

Гражданское общество и государство. Модели взаимоотношения

Для начала попробуем разобраться с проблемой определения понятий «гражданское общество» и «государство».

Если анализировать имеющиеся в истории политической науки и в современной политологии определения понятия гражданского общества, отвлекаясь от исторической специфики возникновения имеющихся определений (а это только на русском языке более 300 источников), то можно выявить абстрактно-общие предикаты такого сложного и многомерного понятия, как гражданское общество. Такими определениями являются, на наш взгляд, гражданственность и понятие гражданина; в свою очередь это приводит к пониманию гражданского общества как общества, где реализуются гражданские права и свободы. Второй важный атрибут гражданского общества — некое отношение гражданского общества к государству (любые размышления о гражданском обществе не проходят без размышлений о государстве). Эти понятия взаимно коррелируются, и само определение гражданского общества включает в себя, как правило, рефлексию в государство. То есть гражданское общество и государство — это рефлексивные взаимосвязанные понятия. Но сам характер этой взаимосвязи является исторически изменчивым. Равно как и понятие прав и свобод гражданина, о которых мы говорили выше. Они тоже являются исторически изменчивыми и дают разные понимания гражданского общества. Еще большая сложность возникает с попыткой обозначить, определить какие-либо институты гражданского общества. Наш анализ выявляет очень большое количество разночтений, проблем и дискуссионных моментов. В частности, например, такой институт, как правосудие, одни исследователи относят к сфере гражданского общества, другие же считают его атрибутом государства. Такой институт, как полиция, у одних авторов (или в одних странах) является обязательной структурой государственной машины, у других — атрибутом гражданского общества. Единственное, что мы можем достаточно четко констатировать, — то, что гражданское общество — это созданная и создающаяся в процессе исторического развития человеческого общества система реализации прав и свобод граждан. Не смотря на то, что это достаточно абстрактное определение и, казалось бы, не вызывает споров, именно

в нем-то и таится проблема, поскольку сходное определение имеет и такая система, как государство.

Анализ понятия «государство» показывает, что оно имеет те же самые сходные с гражданским обществом абстрактно-общие предикаты. В частности, государство тоже является системой реализации и гарантий прав и свобод гражданина. То же самое можно сказать и о том, что понятие государства находится в рефлексивном отношении к гражданскому обществу. По крайней мере, начиная со Средневековья. Точно так же, как с гражданским обществом, здесь существует множество разночтений и дискуссионных моментов, касающихся институтов, относящихся к сфере государства. Те же, указанные выше правосудие и полиция, часто относят к неперенным атрибутам государства. Это не единственные спорные институты. Например, в советских учебниках утверждалось, одним из неперенных атрибутов государства является наличие в нем государственной идеологии. В ряде современных западных либеральных концепций (Хабермас) идеология рассматривается как одна из составляющих гражданского общества. Хотя, надо отметить, даже приведенный выше пример из советских учебников не является типичным образчиком марксизма-ленинизма. Американцы провозглашают своей идеологией либерализм. Есть христианские государства. После многочисленных и неудачных попыток построить в России государство без идеологии общественность требует создания государственной идеи. И государство сейчас формирует такой заказ на идеологию. Не проще ситуация и с властями. Такая ветвь власти, как представительная, рассматривается одними исследователями явным атрибутом государства, хотя в концепциях просветителей, например, представительная власть принадлежит гражданскому обществу (Руссо «Общественный договор»). Таким образом, мы видим, что попытки абстрагироваться от конкретно-исторических форм взаимоотношений гражданского общества и государства, попытки дать абстрактно-общие определения этим двум понятиям обречены на неудачу, поскольку единственное, к чему мы можем прийти, это констатация того, что и гражданское общество и государство являются сферами реализации человеческой свободы, гарантий прав и свобод. А какой сфере какие институты принадлежат, является предметом споров политологов и историков. Мы видим, что гражданское общество и государство — два сопряженных понятия — условно говоря, играют на одном поле. На поле человеческих прав и свобод. Отсюда — и некая конкуренция и напряженность в отношениях. Отсюда — и бесконечные споры, что кому принадлежит. Поэтому для того чтобы разрешить проблемы взаимоотношений гражданского общества и государства, необходимо проследить генезис этих понятий и исторические формы их взаимоотношений. Абстрактно-логический подход, попытка дать абстрактное, отвлеченное определение этим феноменам обречены на неудачу.

Более успешным может быть исторический подход, то есть попытка понять напряженность между этими понятиями, исходя из исторического контекста, из ее генезиса. И сразу же мы обнаруживаем, что, например, в античности два этих понятия вообще не различались.

Есть тождество понятий гражданского общества и государства в трудах античных философов и представителей политической науки. Данное тожде-

ство этих понятий является уже давно замеченным фактом. Но в политологии, на наш взгляд, не достаточно были объяснены причины неразличения этих понятий. Согласно нашей гипотезе, проблема тождества этих понятий не выглядит неразрешимой, если подвергнуть анализу феномен гражданина и свободной личности в древних государствах и в античности. Дело в том, что в древних и античных государствах количество свободных личностей или, что то же самое, количество граждан, было тождественно количеству людей, обладающих властью. То есть люди, являющиеся гражданами, были одновременно и людьми, осуществляющими государственную власть. Количество этих людей может варьироваться от одного человека (как в восточной деспотии, типа Вавилона, Египта, Китая) до нескольких сотен или тысяч, как в античном полисе. Напряженность между наличием избытка свободных людей, людей, обладающих правами гражданина и властными социальными позициями, отсутствовала. Ситуация в корне меняется с распространением христианства, которое объявило о том, что свободной личностью является каждый человек (поскольку каждый имеет отношение к богу).

Все время, называемое Средневековьем, было гигантской попыткой решить проблему дефицита властных точек (позиций) в обществе. Напряженность между наличием огромного количества людей, считающих себя свободными (а значит, настаивающих на своих правах, амбициях, как духовных, так и материально-собственнических) и объективным дефицитом властных позиций создает специфическую для Средневековья так называемую атмосферу средневековых войн и феодальной раздробленности. То, что Средневековье было эпохой феодальной раздробленности, войн, борьбы светской и духовной власти, борьбы княжеских властей и властей общин, борьбы сект с центральной религиозной властью и т. д., все это является азбукой средневековья. Но этот факт, к сожалению, не в должной мере, на наш взгляд осмыслен и объяснен. С нашей точки зрения, эта атмосфера была таковой не потому, что средневековый человек был невежественным, злым, необразованным или алчным, а, совсем наоборот. Это было время, когда существующие модели организации власти, существующие общественные отношения сковывали возникшие в результате распространения христианства свободные и правовые устремления. Проблема дефицита властных точек в средние века решалась двумя способами: 1. Путем умножения, бесконечного дробления носителей суверенной власти; 2. Посредством раздела сфер влияния между светской и духовной властью, когда душа принадлежала церкви, а тело — светской власти. Эпоха Просвещения трактуется нами как эпоха увеличения количества точек влияния и триумфа «второго метода» увеличения властных точек. Если Средневековье по преимуществу использовало только способ дробления и деления государства и увеличения носителей суверенной власти, то эпоха Просвещения — это эксплуатация второго метода, а именно метода раздела сфер влияния на отдельного человека. Если в классическое Средневековье этих сфер было две (душа и тело), то эпоха Просвещения дала новое количество таких сфер. На арену выходит медицина, которая говорит о специфически определенном теле, то есть теле, взятом с точки зрения здоровья и болезни. Над ним властвует уже не церковь, а медицина. Врывается психиатрия, которая тоже властвует над душой, но опять-таки в ином аспекте. Врывается пиничитарная

система, которая тоже властвует над человеком, его телом, но в другом аспекте, нежели светская и духовная власть. *Суть эпохи Просвещения – возникновение сфер, в которых эти властные точки могут реализовываться. Если Средневековые – эпоха феодальной раздробленности, то Просвещение – эпоха раздробленности человека.* При этом, необходимо отметить, что в течение всего пути от начала Средневековья к Просвещению, количество людей, которые осознают себя свободными (на этот процесс особенно повлияла Реформация и Возрождение), все больше и больше возрастает. Соответственно, эта проблема становится все острее и острее, и даже методы увеличения носителей суверенитета и дробление сфер влияния на человека, дробление его самого, не в состоянии справиться с этой проблемой. Чем больше эта напряженность, тем острее становилась проблема взаимоотношений гражданского общества и государства. При этом гражданское общество начинает рассматриваться как некий идеал общества, где права и свободы каждой личности могут быть реализованы и гарантированы. А государство – как исторически возникшая сковывающая общество и человека форма, мешающая реализации этих прав и свобод. Государство рассматривается как мертвый бездушный механизм. Именно в это время возникают все наиболее симпатизирующие гражданскому обществу антигосударственные теории. Существовал лишь очень короткий исторический период Реформации и Возрождения, когда государство и светская власть рассматривалась как символ и синоним освобождения и реализации свобод. Поскольку тогда в роли панциря, сковывающей структуры оказалась церковь. Но позже, когда внутри светских государств созрели опирающиеся, кстати, на церковь и экстерриториальность епископов гражданские городские общины, светская власть оказалась между молотом и наковальней. Постепенно, ближе к 18 веку церковь также стала тем самым символом косности и несвободы, а общинное городское устройство стало прототипом для различных моделей построения гражданского общества. То есть, на самом деле, можно выделить три способа увеличения властных точек, точек реализации амбиций свободных личностей: 1. Пространственное (географическое) деление власти; 2. Деление власти временное (путчи и революции может быть и были движимы хорошими идеалами, по сути были повторяющимися во времени переворотами); 3. дифференцирование и разделение человека на сферы влияния. После оценки печальных последствий революций и путчей возобладал именно третий метод: возникает сфера различных дифференциаций – врачи, учителя; образование – особая отрасль, которая властвует над человеческим умом и душой, но опять-таки по-своему, не как церковь или та же, к примеру, психиатрия.

Антиэтатизм начал формироваться в эпоху буржуазных революций, как позиция, трактующая государство как исторически преходящую форму организации общества, свойственную непросвещенным несвободным людям, которые еще не ощущают себя личностями и не настаивают на реализации своих прав и свобод. В данных теориях государство рассматривается всецело как механизм насилия и подавления одних (тех, кто имеет властные ресурсы и имеет возможность реализовывать свои права и свободы) по отношению к другим, кто таких возможностей лишен. Соответственно, государство оказывается ненужным в обществе, где права и свободы каждого будут реали-

зованы. Именно таким идеалом является гражданское общество. Пределом антиэтатистского мышления является анархизм, который выступает против любого института, поскольку он, так или иначе, связан с какими-либо обязательствами человека. Здесь можно выделить целый спектр различных политических теорий, который простирается от анархизма (Прудон — основоположник анархизма, Кропоткин, Бакунин) до неоконсерватизма, который оставляет государство только как некую символическую реальность. В промежутке между этими крайностями лежат различные концепции — Локка, Руссо, Маркса, Пейна, Джефферсона и т. д., — которые рассматривали государство как аппарат подавления в руках того или иного класса и отмеривали ему разные исторические сроки существования и предназначали разную историческую миссию. Необходимо отметить, эти антиэтатистские концепции оказали сильное влияние на политическую практику, особенно в эпоху буржуазных революций. И попытка последовательной реализации антиэтатистских концепций привела к тому, что в обществе возникло осознание односторонности этих концепций. Поскольку попытка построения гражданского общества и воплощения антигосударственных устремлений не привели к гарантиям прав и свобод граждан и к увеличению степени свободы и властных позиций, а напротив, по мнению многих историков и теоретиков политической науки, отбросили общество назад к дикости и варварству, к состоянию, в котором никто не мог быть спокоен за то, что его права не будут нарушены. В качестве реакции на политическую практику и как реставрация возрожденческих и реформаторских концепций, возникла этатистская модель.

Этатизм возникает как реакция на теории, которые видят в государстве уходящий институт. Как уже было указано, в возрожденческих и реформаторских моделях (Боден, Макиавелли), рассматривали светское государство как гарантию гражданских свобод и гарантию невмешательства церковных властей. Но главный запал в эпоху реставрации был не столько в борьбе с церковной властью, сколько в реакции на революцию и на анархистские модели. Основными теоретиками такой модели выступали Гоббс, Деместр, Берк, Наполеон (как политический практик), в 19 в. Миттерних, в России — Уваров, Победоносцев, Бердяев. В метафизическом плане все данные теоретики рассматривали гражданское общество как механическую совокупность индивидуумов, которые в своем хаотическом брожении сталкиваются друг с другом и соответственно не реализуют своих целей. С их идеалистической точки зрения, государство было тем, что формирует материю гражданского общества, придает некую форму. А форма, как известно, является тем, что делает любую вещь вещью и является главным в вещи. Государство естественным образом, с их точки зрения, появляется в результате изначального неравенства способностей индивидуумов и отражает это неравенство. Все люди являются свободными и имеют право на свои духовные и материальные амбиции, но это не значит, что их амбиции одинаково ценны и должны достигать одинаковой реализации. Амбиции наиболее талантливых и способных приводят к тому, что они занимают верхние властные точки, а амбиции неталантливых и неспособных приводят к тому, что они имеют какой-либо минимальный набор элементарных прав. Спектр этатистских теорий простирается от самых крайних тотали-

тарных проявлений, как скажем, в «Левиафане» Гоббса, когда свобода граждан распространяется только на те сферы, куда еще не обратил свой взор суверен, и где не присутствуют интересы суверена. Но поскольку суверену присуще расширение сферы своих интересов, то свобода граждан все более и более сжимается, вплоть до того, что даже осуществляется контроль за их мышлением, фантазией, какими-либо ментальными функциями (идеал для любой современной полицейской системы). Недаром в работах Гоббса видят прообраз современного тоталитаризма. Эта концепция простирается от Гоббса до умеренных этатистских теорий, в которых государство рассматривается, как, например, у того же Миттерниха, в качестве некоего духовного, религиозного авторитета. Подобно тому, как в антиэтатистских теориях государство было обречено на исчезновение или на то, что за ним останется только чисто символическая функция, в этатистских теориях на исчезновение обречено гражданское общество. Так, в частности, у того же Гоббса, за счет экспансии интересов суверена гражданское общество постепенно сжимается и исчезает. Либо за ним сохраняется некая символическая функция, то есть гражданское общество оказывается некой теоретической конструкцией, неким идеалом, риторическим приемом, декларацией того, что все люди в принципе являются свободными и равными в правах.

Спор этатистов и антиэтатистов говорит о том, что существует некое равновесие между гражданским обществом и государством, некая мера, вокруг которой и происходят эти колебания. И задача теоретиков — определить эту меру, определить эту взаимопринадлежность гражданского общества и государства и поделить между ними, наконец, сферы влияния. Определить, что относится к гражданскому обществу, а что к государству. Эту проблему поставила и политология и сама политическая практика уже в 18 веке. И наиболее великие умы ставили эту проблему именно так, пытаясь предложить свои синтетические модели.

Первая синтетическая концепция — это концепция видения гражданского общества как воплощения духовной свободы, возникшей в результате анализа и осмысления эпохи буржуазных революций в немецкой классике. В частности, у Канта. Предшественником концепции Канта был Гребер, который определил гражданское общество как сферу реализации духовных потребностей индивида; сферу кристаллизации его политических и идеологических интересов; сферу коммуникации. А государство — как механизм реализации достигнутого в коммуникации согласия. Согласно Греберу, каждый человек имеет право на высказывание любых идей и любых позиций, но только на высказывание. До тех пор, пока он легальными коммуникативными методами не убедил всех остальных членов общества в своей правоте, реализация его концепций, планов, политических проектов в обществе откладывается. Реализация (а значит, и подключение государственных механизмов) начинается только тогда, когда какой-либо идеей или моральной нормой проникнуты все. По Греберу, любая идея, любая политическая или духовная концепция сначала возникает как некое исключение из общего правила, как некий скандал. Постепенно она завоевывает себе сторонников, становится модой и неписаным правилом, после чего окончательно формируется в писанный закон,

который обязаны соблюдать все члены общества. Не все идеи могут пройти этот путь, некоторые так и остаются просто некими чудачествами, некоторые застревают на этапе неписанных норм, а наиболее полезные всему обществу в итоге становятся законами. Постепенно идет улучшение законодательной системы, прогресс общества на пути от варварства к цивилизации. Гражданское общество является в этой концепции своеобразным локомотивом, авангардом, лабораторией идеологических и политических проектов, а государство — своеобразным якорем, консервативной структурой, которая не позволяет обществу бросаться в авантюры, в которых гражданское общество неминуемо бы погибло, если бы не было сдерживающей консервативной силы государства. Кант является тем теоретиком, который модернизирует идеи Гребера и доводит их до метафизической и логической ясности. В его «Критике практического разума» и работах, посвященных политике, как раз проводится различие между моральностью и легальностью, где моральность выступает своеобразным авангардом, средой, в которой происходит коммуникация между свободными личностями, гражданами. А легальность является некой формой моральности, но формой, которая может возникнуть, только если претендующий на моральность поступок является действительно моральным. Таким образом, *государство не противоречит гражданскому обществу, а адсорбирует из его коммуникативной реальности все самое нужное и полезное для воспроизводства этого же гражданского общества и для его развития*. Отсюда — повышенное внимание Канта к проблемам гласности и сфере коммуникации, которые, согласно его теории, являются условием функционирования любого свободного общества. Кант говорит, что поступок не может считаться моральным, если максима его воли не совместима с гласностью. Но поскольку легальность всецело зависит от моральности, то, соответственно, не может быть никаких политических институтов или сфер, которые были бы для гласности тоже недоступны. Но если Кант подчеркивал некую ригидность государственных институтов, то современные представители этой же синтетической модели и последователи Канта (в частности — Хабермас) уделяют большое внимание этим политическим институтам и институтам согласования интересов, поскольку в современном обществе образовалась проблема отрыва авангарда, этой лаборатории теоретических исследований от жизненного мира. Различные сферы наук оторвались от жизненного мира и разошлись между собой. И главная проблема современного мира — вернуть разрозненные теоретические сферы в первоначальное единство, условно говоря, немножко подтянуть авангард к арьергарду. Поскольку отрыв от жизненного мира негативно сказывается на обществе, а излишний авангардизм оборачивается консерватизмом. Тем не менее, моральная критика современного состояния общества и неспособность объяснить многие процессы (в частности, войны, безудержный прогресс науки, национализм, терроризм, бюрократизацию, триумф техники, общество потребления) делают эту синтетическую модель несколько идеалистической. Упрек в том, что его модель слишком теоретична, что в ней желаемое выдается за действительное, в свое время слышал и сам Кант. Представленное в данной модели разделение сфер между гражданским обществом и государством не является единственным. В частности, другой великий философ немецкой классики — Г.В.Ф. Гегель — предлагал совершенно другую модель.

Вторая синтетическая модель видит воплощением духовной свободы государство. Она переворачивает с точностью до наоборот кантовский вариант распределения сфер между гражданским обществом и государством. В частности, Гегель считал, что кантовская теория, доведенная до логического конца, превращается в свою собственную противоположность. И такой противоположностью, по его мнению, стала политическая теория Фихте, который, будучи сторонником романтизма, считал, что существует сообщество гениев, теоретиков, рождающих разные идеи, и в сфере общения этих гениев и философов не возникает никаких противоречий в коммуникации. Государство рассматривается исключительно как механизм удовлетворения материальных потребностей: безопасность, пища и т. д. Таким образом, Фихте пришел к тоталитарному замкнутому государству, условием существования которого оказалась государственная тайна (в противоположность Канту с его гласностью). Гегель подвергает критике кантовское и фихтевское деление между теорией и практикой. Поскольку любой поступок человека (даже самый безумный) все равно является более разумным, чем слепые стихии природы. И поскольку любая идея, в свою очередь, не является бессильной настолько, чтобы не воплощаться в жизнь. Согласно Гегелю, абсолютная идея (план мировой истории) существует не в каком-то идеальном мире, как это случается с идеей у Канта, а воплощается в исторической практике. И более того, все, на что способен был человек в процессе своей истории, человек уже проявил. Человек показал, что он способен как на самые высокие (смерть за свободу), так и на самые низкие поступки (убийства себе подобных, террор французской революции). Из огромного практического исторического опыта можно извлечь уроки и, причем, уроки окончательные, поскольку ничего нового человек показать не в состоянии. Большого героизма, чем он уже проявлял, он не проявит, как и не произойдет большее, чем уже было, падение нравов. Разумеется, повторение всего этого возможно, но только в количественном аспекте. Качество же героизма, дикости или нецивилизованного поведения остается неизменным. Уроки истории, по Гегелю, как раз свидетельствуют о том, что не государство является чем-то, что обслуживает человеческие потребности (например, материальные потребности или безопасность), а наоборот, скорее человек в самые ответственные периоды истории является защитником государства, которое является для него символом его свободы. Во время войны не люди требуют, чтобы государство защитило их, а сами идут защищать государство. Все это говорит о том, что государство является сферой реализации свободы человека, а гражданское общество – сферой реализации материальных потребностей. Если у Гребера и Канта люди были вольны говорить и думать все, что угодно, но действовать согласно законам, то, по Гегелю, как раз патриотическое и нравственное умонстроение людей является обязательным, в то время как в реализации своих материальных потребностей и прочих амбиций каждый полностью свободен. Сферой реализации всех этих амбиций является гражданское общество. Все так называемые репрессивные механизмы, согласно Гегелю, принадлежат сфере гражданского общества. В частности, та же полиция, правосудие – это институты, возникающие из некой солидарной воли, из взаимных соглашений свободных индивидов на почве общности их материальных потребностей и интересов. *Государст-*

во же является неким идеальным символом, обеспечивающим идентичность некой нации или некоего человеческого сообщества. Подобно гербу, флагу и гимну. Поэтому идеальным государством Гегель считал монархию, где монарх исполняет эту символическую роль отца нации, который требует к себе не более, чем уважение, но и не менее. Все другие модели государственного устройства являются, согласно Гегелю, ущербными и, так или иначе, стремящимися к описанной им идеальной схеме. Подобно тому как в реальности факт существования людей, лишенных верхних или нижних конечностей или слепых ничуть не ущемляет того правила, что человек, по своей сути, является двуногим, двуруким и двуглазым. То, что в реальности существуют государства без монархов, — это отнюдь не свидетельство против монархии как таковой или монархической сущности государства. И подобно тому как в реальности калеки восполняют свои недостатки протезами, чтобы достроить себя до идеального образа, так и в реальных государствах существуют государственные институты, исполняющие роль неких протезов, достраивающих государство до идеального образа. Если же уродства настолько сильны, что несовместимы с жизнью, то государство умирает точно так же, как человек, получивший увечья, несовместимые с жизнью. В значительной мере примером гегелевской концепции государства является США, где государство снимает с себя, например, обязанности по защите (в Америке каждый имеет право носить оружие, а полиция является муниципальной). На примере США иллюстрируется такая ущербность, как отсутствие монархии. Например, выборность президента ведет к таким негативным последствиям, как лоббизм (президент действует в интересах определенных кланов, которые привели его к власти, а не всего народа); манипуляции на выборах, которые симулируют, по большому счету, монархическую природу первого лица государства, представляя его как отца нации, как борца с какой-нибудь внешней агрессией. Необходимо отметить, что многие современные концепции в значительной мере повторяют концепцию Гегеля.

Теперь хотелось бы перевести эту теоретическую понятийную дискуссию в практическое русло и проиллюстрировать *на примере новейшей истории России* все, о чем речь шла выше. В период так называемой перестройки возобладали конфликтные модели взаимоотношений между гражданским обществом и государством. В период крушения Советского Союза провозглашались идеалы гражданского общества. А наши «прорабы перестройки» черпали свою идеологию, свои воззрения из либеральных теорий, уходящих корнями в 19 в и далее в эпоху буржуазных революций. *Антиэтатистские модели, господствующие в идеологии либералов-реформаторов, привели именно к тому, чем они являются – анархии. И это в значительной степени обусловило провал экономических реформ. Потому что создание класса собственников оказалось невозможным в ситуации политической нестабильности. В частности, идея массовой приватизации провалилась потому, что антигосударственная политика реформаторов (провоцирующая настроения недоверия у населения и, в частности, у предпринимателей) вошла в противоречие с их же намерением создать социально-ориентированный слой собственников. В итоге это привело к утечке капитала и мозгов за границу, где существуют четкие рамки и гарантии своих духовных и частно-собственнических устремлений. Как результат антиэтатистской*

политики, и как реакция на нее, возникают предельно тоталитарные и этатистские теории и практики. Это выражается в появлении фактов фашизма, в требованиях сильной руки, в ностальгии по советскому прошлому, в усилении позиций силовых структур и ведомств, спецслужб и т. п. Маятник закономерно качается в другую сторону, и тенденции общественных настроений политикам, хотя бы они того или не хотят, приходится учитывать. Поэтому возникли разговоры об укреплении государства, о государственном регулировании рынка, о государственном вмешательстве в экономику и т. д., которые якобы должны исправить ошибки прежних реформаторов. Большой виток совершается в сфере коммуникаций — от всеобщей гласности все больше переходят к разговорам о необходимости запретов и контроля над СМИ и вообще свободой мышления, выражения и т. д. Эти тенденции являются пагубными, поскольку через некоторое время можно с уверенностью прогнозировать, что маятник качнется опять в сторону анархии и некоего разочарования в возможностях государства по регулированию экономической и духовной жизни. Несмотря на то, что за последние десять лет в обществе шли активные дискуссии по поводу взаимоотношений гражданского общества и государства, на самом деле только в последние годы проблема начала ставиться в адекватных терминах. Проблему начали видеть сравнительно недавно, стали рассматривать ее по существу, без налета идеологии, эмоциональной реактивности.

Здесь уместно напомнить, что вся перестройка и все наши злоключения начались с проблемы построения гражданского общества. Предполагалось, что уж «что-что, а государство у нас есть». Уж, что было в СССР, так это огромное государство. А чего не было — так это гражданского общества в смысле реализации материальных потребностей и духовных амбиций. Однако следует отметить, что, как мы уже установили, гражданское общество не существует без государства, это взаимосвязанные вещи. И что не может быть такого, что государство есть, и при этом — в высокоразвитой форме, а гражданского общества нет, и его надо достраивать. На самом деле, и государство и гражданское общество существуют одновременно, как одновременно всегда существуют духовные и материальные потребности человека. И неразвитому государству соответствует неразвитое гражданское общество, так же как неразвитому гражданскому обществу соответствует неразвитое государство. Проблема построения гражданского общества в России не может быть решена без одновременного решения проблемы строительства государства. Это было упущено нашими реформаторами периода перестройки, и именно этот недостаток необходимо восполнить сейчас. Государство должно строиться одновременно и вместе с гражданским обществом. И более того, государство обладает в этой паре ведущей ролью. Подобно тому, как в истории, как таковой, государство возникало прежде, чем гражданское общество, так и на всех последующих этапах государство сохраняет этот приоритет в сфере прогресса развития их взаимоотношений.

Проблема России сегодня заключается в том, что государство у нас не эмансипировано от гражданского общества. В каком-то смысле, можно утверждать в пику тем же реформаторам, что в СССР, равно как и в России периода перестройки, не было никакого государства, а было сплошное гражданское общество (если рассматривать последнее как сферу реализации частных интересов и материальных, прежде всего, потребностей). Что представляло из себя

государство в СССР? Оно было не идеальной моделью, не структурой, каждая ячейка которой обязывает ее субъекта к определенному служению, к определенным обязанностям. А наоборот, должности были у нас средством удовлетворения материальных потребностей. Собственно, перестройка началась с борьбы против привилегий, против того, что чиновничество присвоило себе государственные должности как некие феодалы, в которых можно реализовывать свои материальные потребности и властные функции. Аналогичная ситуация сохранилась и в эпоху перестройки, когда чиновничество, особенно в период приватизации, занималось тем, что удовлетворяло свои материальные интересы. Все денежные состояния, возникшие в последние 10 лет, были нажиты не путем труда или реализации талантов отдельных индивидов. Они появились исключительно благодаря близости к бюджетным средствам. И современное государство ничуть не отличается от феодального государства советского типа. Разве что оно стало менее структурированным внутри себя, более слабым, и процессы обогащения в прежнем СССР шли менее интенсивным способом. С самого начала перестройки нам необходимо было не столько бороться за права и свободы граждан, сколько за превращение государства в отдельную от гражданского общества идеальную систему. Человек, вступающий на жизненное поприще, должен изначально сделать выбор в пользу того, в какой сфере он будет реализовывать себя. Выбор может быть сделан в пользу личных амбиций, зарабатывания материальных благ и т. д. И тогда его путь лежит в гражданское общество. Либо сфере частных потребностей человек предпочитает самореализацию в сфере всеобщего духа, то есть в государстве. Но в государственной сфере другие правила игры. Тут не он занимает некое место, подобно тому, как в гражданском обществе человек владеет вещью, а наоборот, должность владеет человеком, то есть налагает на него определенные обязанности. Государственные служащие — люди определенного склада, которые изначально ставят крест на собственных частных амбициях и посвящают себя служению государству. Их карьера зависит от того, насколько они сумеют забыть свои частные интересы в процессе службы. Их карьера должна заканчиваться сразу же в тот момент, когда человек поставил свои частные интересы выше государственных. Вот такую касту чиновников необходимо воспитать. Необходимы специальные образовательные учреждения, специальные образовательные просветительские программы. Необходимо правовое воспитание всего общества, в духе уважения к государству, к государственной службе, равно как и к правам и свободам граждан в частной сфере. Чтобы люди видели отличия и специфику того и другого. Правовое воспитание — это залог успехов реформ в России. Разъяснение таких важных и сложных понятий, как «государство» и «гражданское общество» и моделей взаимоотношения между ними должно способствовать росту правосознания.